

Миграция в сельской местности России: территориальные различия

Никита В. Мкртчян¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия;
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва,
119571, Россия

Получено 31 January 2019 ♦ Принято в печать 18 March 2019 ♦ Опубликовано 12 April 2019

Цитирование: Mkrtychyan NV (2019) Migration in rural areas of Russia: territorial differences. Population and Economics 3(1): 39–51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>

Аннотация

В статье анализируются показатели интенсивности миграционного прироста муниципальных образований ранга района или городского округа с полностью сельским или преимущественно сельским населением. Отдельно рассматриваются сельские территории в пригородах региональных столиц и внутрирегиональной периферии, а также расположенные на Юге, Нечерноземье, юге Сибири и Дальнего Востока, территории Крайнего Севера и приравненные к нему местности. Сравниваются как общие показатели интенсивности миграционного прироста (убыли) населения, так и по пятилетним возрастным группам. Источником послужили данные о долговременной миграции за 2012–2016 гг., размещенные в Базе данных показателей муниципальных образований (Росстат). Анализ показал, что пригородные/периферийные различия миграционного баланса сельских территорий выражены сильнее, чем пространственно-географические (зональные). Возрастные профили миграционного прироста (убыли) по географическим зонам похожи, но отличаются интенсивностью – на севере и востоке отток выше. Пригородная и периферийная сельская местность по интенсивности миграционного баланса отличается принципиально: в пригородах отмечается наиболее интенсивный миграционный прирост во всех возрастах, кроме самых молодых.

Ключевые слова

сельская местность; миграция; возраст; пригороды; периферийные территории; Россия.

JEL CODES: J11; R23

Введение

Сельская местность России испытывает устойчивый миграционный отток населения. Он являлся фундаментальной причиной сокращения численности сельского населения еще в советский период, а также стал причиной и современных демографических проблем

села, прежде всего ускоренного старения населения. Хотя фиксируемая Росстатом миграционная убыль сельского населения в города в последние годы составляет 100–200 тыс. человек и ей вроде бы далеко до масштабов позднесоветского времени, переписи населения 2002 и 2010 гг. зафиксировали неучтенный отток селян в города. Для сильно сократившегося за последние десятилетия сельского населения и эти цифры имеют большую значимость, потенциал оттока населения сельской местности сильно уменьшился. Кроме того, структурно миграционная убыль представлена прежде всего населением в самом молодом возрасте, что негативно сказывается на его дальнейшем воспроизводстве.

Несмотря на остроту проблемы миграции из сельской местности, знания о ней недостаточны, в частности очень мало работ используют данные на уровне муниципальных образований, позволяющих выявить внутрорегиональную специфику миграции. В России внутрорегиональные контрасты, в том числе в миграции, по некоторым оценкам, превышают межрегиональные [Мкртчян, Карачурина, 2013]. Во всех регионах есть различия по линии центр – периферия, в случае села – между пригородной сельской местностью и глубиной. Во многих регионах, особенно в азиатской части страны, есть существенные различия в природно-климатических условиях, что важно для сельской местности и ее жителей.

В данной статье ставится цель на основе сравнительно недавно (с 2012 г.) появившихся в свободном доступе данных о миграции населения в разрезе муниципальных образований – районов и городских округов (далее – МО) проанализировать различия миграционного прироста и его возрастной структуры для разных типов сельских территорий: пригородных и периферийных, расположенных в разных макрорегионах страны. Само выделение сельских территорий, а также делимитация пригородных сельских территорий и сельской глубинки представляют собой не вполне тривиальную задачу, учитывая, что многие МО состоят как из городского, так и из сельского населения. Отдельная задача – выделить пространственно-географические типы сельской местности. С опорой на известные нам наработки других исследователей мы пытаемся решить эти непростые задачи.

Изученность вопроса

В советское время изучение миграции сельского населения серьезным образом сдерживало отсутствие статистических данных, характеризующих это явление. Даже скудная информация о миграции, публикуемая в отдельные годы, содержала данные только по городскому населению, его прирост за счет миграции позволял оценить отток населения из сельской местности [Зайончковская, 1991]. Использовались также данные переписей населения, которые позволяли оценить мобильность сельского населения и возрастные особенности миграции. Согласно расчетам, сельское население СССР сокращалось за счет миграции на 1,5–1,6% в год в 1966–1975 гг., к 1980-м гг. потери снизились до 0,9%. Сравнительный анализ данных переписей 1959, 1970 и 1979 гг. показал, что сельская местность РСФСР потеряла за 1959–1979 гг. более половины молодежи [Зайончковская, 1991]. В первые постсоветские годы сельская местность России перестала терять население [Между домом..., 2016], однако позитивные итоги миграции возникали в результате притока мигрантов из бывших республик, в миграции с российскими городами «слома тренда» был очень кратковременным, а данные переписи показывают, что его, возможно, и не было совсем. В нулевые годы в России установился привычный баланс перетока населения из сельской местности в города, из малых городов – в крупные [Махрова, Кириллов, 2015; Мкртчян, Карачурина, 2013].

Одновременно исследователи обратили внимание на пространственную неоднородность сельской местности, которая связана прежде всего с ее положением относительно крупных городов. Зона их пригородов в первую очередь становится ареной маятниковых пульсаций населения [Махрова, Кириллов, 2018; Между домом и..., 2016], а также территорией наиболее интенсивного дачного освоения [Нефедова, 2015; Между домом и..., 2016]. В отдельных регионах, и не только вблизи столиц, пригороды росли высокими темпами, что показывают, например, исследования в Иркутской области [Григоричев, 2013], Бурятии [Бреславский, 2014], Красноярском крае [Емельянова, Серебренников, 2016] и других регионах Сибири [Григоричев, 2017]. В целом рост пригородного сельского населения отмечается по всей России [Алексеев, Сафронов, 2015], и роль миграции в этой динамике велика [Что мы знаем..., 2017].

На зональные и территориальные различия баланса миграции сельских территорий исследователи обращают меньше внимания. Как нам представляется, связано это прежде всего с недостаточной детализацией данных (начиная с 1990-х гг. доступна информация только по регионам в целом), неоднократно предпринимаемыми корректировками методики учета миграции и пересмотром данных по итогам переписей. Данные на муниципальном уровне долгое время были доступны только по городам благодаря информации из базы данных городов России (Мультистат), что привлекло внимание исследователей к их изучению [Антонов, 2016; Денисов, 2017; Карачурина, 2018]. Миграция сельского населения попадала в фокус исследования чаще всего в контексте изучения расселения и почти всегда ограничивалась рамками одного региона. Примерами может служить работа по Московской области с детальным изучением трех ее муниципальных районов [Ioffe, Zayonchkovskaya, 2011] или исследование сельских районов на периферии Костромской области [Потенциал Ближнего Севера, 2014].

Миграция населения имеет выраженные возрастные особенности, наиболее часто в ней участвует молодое население. Ж. А. Зайончковская [1991], а до этого Т. И. Заславская [1970], В. И. Переведенцев [1975] обращали внимание на это при анализе миграции городского и сельского населения и ее влияния на возрастной состав сельского населения в советский период. В 2000–2010-е гг. делались попытки оценить отток молодежи с территорий внутренней периферии. По данным отдельных исследований, основанных на результатах переписей, он мог достигать значений советского периода и продолжал усугублять проблему старения сельского населения [Мкртчян, 2013; Эндришко, 2018; Kashnitsky, 2018]. Эти работы непосредственно сельской местности посвящены не были, хотя экстремальные значения оттока получены именно по сельской глубинке.

В то же время в западных странах с лучшей доступностью детальных статистических данных возрастные особенности миграции, в том числе в сельской местности, изучаются давно и достаточно подробно. В частности, предметом интереса является отток молодежи с периферии в города [Smith, Rérat, Sage, 2014; Johansson, 2016], но подобные исследования в России редки [Bednaříková, Vavorová, Ponkina, 2016]. Приток в сельскую местность предпенсионеров и пенсионеров [Stockdale, MacLeod, 2013], а также влияние последних на социально-экономическое положение сельских поселений [Rowles, Watkins, 1993] довольно разработанная тема в зарубежной литературе. В России же она изучается скорее в контексте сезонной возвратной мобильности [Нефедова, 2015].

Данные и методология

Источником данных служила база данных показателей муниципальных образований (БД ПМО), размещенная на сайте Росстата. В числе прочего, она содержит информацию о численности населения по возрастным группам, миграции по пятилетним возраст-

ным группам, по потокам с выделением внутри-, межрегиональной и международной миграции в разрезе городских округов и муниципальных районов. Поддержку БД ПМО осуществляют территориальные органы Росстата, т.е. данные, загружаемые в нее, не являются централизованными. Возможно, по этой причине в базе данных по ряду регионов требуемые показатели отсутствуют или в них имеются пробелы за отдельные годы. В частности, в ней нет необходимых показателей по республикам Ингушетия, Дагестан, Тыва, Крым, г. Севастополь, Чукотскому АО. Также в БД ПМО отсутствует информация о многих закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО). По нескольким регионам нет информации за отдельные годы, поэтому мы используем среднегодовые значения показателей за 2012–2016 гг. о миграционном приросте и его интенсивности по возрастным группам от 0–4 до 70 лет и старше.

Использование данных по городским округам и муниципальным районам не позволяет отдельно анализировать сельское население в каждом муниципальном образовании соответствующего уровня. Выделить миграцию сельского населения из миграции населения МО невозможно. Поэтому мы анализируем только те муниципальные образования, где сельское население явно преобладает. Это два типа муниципальных образований:

1. Чисто сельские, когда все население муниципального образования на 100% состоит из сельского населения.
2. Полусельские, когда доля сельского населения в муниципальном образовании составляет более 50%, при этом численность городского населения не превышает 50 тыс. человек, что соответствует малому городу или нескольким городским поселениям (города и пгт) в одном муниципальном образовании. Критерий 50 тыс. выбран по причине того, что малые городские поселения в наименьшей мере отличаются от сельской местности, в том числе в плане миграции [Нефедова, 2013].

Из рассмотрения были исключены муниципальные районы с полностью сельским или преобладающим сельским населением, если из их состава выделен городской округ, являющийся центром данного МО. Например, ГО г. Салавата и Салаватский муниципальный район, ГО г. Урюпинска и Урюпинский муниципальный район и др., фактически образующие единое целое. Число таких МО, по нашим расчетам, в России составляет 94 единицы, в них проживает 2,1 млн сельского населения.

Подобный подход к типологии муниципальных образований использовался, например, при типологизации районных систем расселения Центральной России [Ткаченко и др., 2013] с одним отличием: в нем для классификации использовалась численность населения центра МО, мы же учитываем все городское население.

Общее число анализируемых МО составило 1116, что составляет 47,5% от всего числа МО России соответствующего уровня (2351). По причине отсутствия данных из числа анализируемых МО исключены 76, в них проживали 2,8 млн человек. Общая численность населения анализируемых МО на начало 2017 г. составила 26,7 млн человек, из них сельское население – 22,3 млн. Остальные 10,5 млн сельских жителей в соответствии с используемой в данной статье методикой считаются проживающими в МО с преобладающим и явно преобладающим городским населением, подобное МО может скорее быть отнесено к городскому, чем к сельскому.

Из числа анализируемых МО с преобладающим сельским населением выделены те, которые расположены в непосредственной близости от столиц регионов, или пристольные (пригородные) территории. Методика выделения пристольных территорий основана на критерии ближайшего соседства с территорией столичного городского округа, подобно тому, как это сделано в работе «Региональные столицы и их пригороды: особенности миграционного баланса» [Мкртчян, 2018]. С точки зрения выделения пригородного населения она неоспорна, например, пригородные МО выделяют не только для

региональных столиц, но и для городов с населением свыше 200 тыс. жителей [Алексеев, Сафронов, 2015]. В соответствии с применяемой в данной статье методикой пригородные районы крупных городов, не являющихся столицами, отнесены к МО при городских округах (см. выше) и исключены из рассмотрения. Пристоличных сельских и полусельских МО в числе рассматриваемых – 77, в них проживали почти 4 млн сельского населения. Остальные 1039 МО условно назовем «периферийными», в них проживали на начало 2017 г. 18,3 млн сельских жителей. Разделение на пригородные и периферийные предпринято по причине особой миграционной привлекательности территорий пригородов региональных столиц (почти все – крупные города) вне зависимости от их формальной принадлежности к городской или сельской местности.

Основным дифференцирующим признаком сельской местности мы считаем ее расположение в той или иной части страны. Мы использовали типы регионов России по динамике трудоспособного населения в сельской местности и его занятости в сельском и лесном хозяйстве, предложенные в работе «Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России» [Нефедова, Мкртчян, 2018], выделив четыре группы территорий:

- 1) южные, к югу от Курской и Орловской областей на западе до Алтайского края на востоке, включая Калининградскую область;
- 2) нечерноземные, от Ленинградской и Брянской области на западе до Свердловской области на востоке, исключая территории Крайнего Севера и приравненные к ним местности;
- 3) юг Сибири и Дальнего Востока, исключая территории Крайнего Севера и приравненные к ним местности;
- 4) северные, представленные территориями Крайнего Севера и приравненные к ним местности.

Самые общие характеристики распределения сельских территорий по предложенным группам приведены в табл. 1.

Таблица 1. Численность сельского населения по типам анализируемых в МО, тыс. человек

	Всего	Сельские		Полусельские	
		глубинные	пригородные	глубинные	пригородные
Всего	22 305,6	11 735,7	2427,7	6596,5	1545,7
Южные	14 722,4	8258,9	1516,1	4028,1	919,3
Нечерноземье	4060,3	1432,4	556,3	1763,4	308,2
Юг Сибири и Дальнего Востока	2325,1	1259,5	263,7	483,7	318,2
Север	1197,7	785,0	91,5	321,3	–
В %					
Всего	100,0	52,6	10,9	29,6	6,9
Южные	66,0	37,0	6,8	18,1	4,1
Нечерноземье	18,2	6,4	2,5	7,9	1,4
Юг Сибири и Дальнего Востока	10,4	5,6	1,2	2,2	1,4
Север	5,4	3,5	0,4	1,4	–

Источник: расчеты на основе БД ПМО.

В полусельских МО средняя доля сельского населения составляет 65%. Среднее число жителей полусельских МО составляет 26,9 тыс. человек, из них сельского населения – 17,4 тысячи. Среднее население чисто сельских МО равно 21,8 тыс. человек. Несмотря на то что пригородных сельских и полусельских МО немного, они самые крупные и по числу жителей составляют значимую часть рассматриваемого сельского населения. В данной статье практически не рассматривается сельское население Московской и Ленинградской областей, так как в них, по описанной методике, выделены только четыре и два полусельских МО, а чисто сельских нет совсем.

Результаты

Миграционный прирост (убыль) населения сельских и полусельских МО за счет всех видов миграции имеет принципиальные отличия у пригородных и периферийных территорий, географические различия играют меньшую роль (табл. 2). Пригородные территории имели миграционный прирост населения в трех из четырех выделенных географических типов, и только в группе территорий Крайнего Севера и приравненных к нему местностей характеризовались миграционным оттоком. Этот отток был гораздо менее интенсивным, чем с периферийных территорий той же группы регионов, и примерно соответствовал убыли периферийных южных сельских и полусельских территорий.

Таблица 2. Интенсивность миграционного прироста (убыли) населения по выделенным типам сельских и полусельских МО, 2012–2016, в среднем за год, на 1000 населения

	Вся миграция	В пределах России	В том числе		Международная
			внутри-региональная	межрегиональная	
Все сельские и полусельские МО	-3,4	-5,1	-3,0	-2,0	1,7
пригородные	12,6	9,9	9,8	0,1	2,7
периферийные	-6,4	-7,9	-5,4	-2,5	1,5
сельские, пригородные	13,8	11,6	11,6	0,0	2,2
сельские, периферийные	-7,0	-8,2	-5,8	-2,5	1,2
полусельские, пригородные	11,2	8,0	7,7	0,3	3,3
полусельские, периферийные	-5,7	-7,5	-5,1	-2,4	1,8
Южные сельские и полусельские	-2,3	-4,2	-2,4	-1,8	1,9
пригородные	13,5	10,4	9,9	0,4	3,1
периферийные	-5,0	-6,8	-4,5	-2,2	1,7
Нечерноземные сельские и полусельские	-3,6	-5,2	-3,3	-1,9	1,6
пригородные	8,9	6,6	7,1	-0,5	2,3

Таблица 2. Окончание

	Вся миграция	В пределах России	В том числе		Международная
			внутри-региональная	межрегиональная	
периферийные	-6,2	-7,7	-5,5	-2,2	1,5
Юг Сибири и Дальнего Востока, все сельские и полусельские	-4,3	-5,1	-2,5	-2,6	0,8
пригородные	17,0	15,1	14,7	0,4	1,9
периферийные	-10,8	-11,3	-7,7	-3,6	0,5
Север, все сельские и полусельские	-14,4	-14,9	-10,9	-4,0	0,5
пригородные	-4,8	-5,3	-1,4	-3,9	0,6
периферийные	-15,1	-15,5	-11,6	-4,0	0,5

Источник: расчеты на основе БД ПМО.

Наиболее интенсивно росли пригородные территории на юге Сибири и Дальнего Востока, не случайно быстрый рост пригородов Иркутска, Улан-Удэ, Красноярска привлекает к себе уже упомянутое выше внимание исследователей. В этой части России рост пригородов идет быстрее благодаря незавершенной в ряде регионов урбанизации, наличию не так сильно, как, например, во многих регионах Нечерноземья, депопулировавшей сельской глубинки.

Практически весь приток мигрантов в пригородную сельскую местность идет за счет внутрирегиональной миграции, прежде всего с территорий внутрирегиональной периферии. Но в немалом числе крупных городских агломераций имеет место субурбанизация. Так, согласно данным о внутрирегиональной долговременной миграции, в 2017 г. Казань потеряла из-за миграции вместе с пятью ближайшими к ней районами 3 тыс. человек, Уфа только с Уфимским и Иглинским районами – более 3 тысяч. Миграционная убыль населения Новосибирска вместе с Новосибирским районом превысила 2 тыс. человек, Перми – 1,3 тыс., Белгорода и Смоленска – по 1,1 тысячи.

Миграционный баланс населения периферийных территорий имеет выраженные территориальные различия. Как видно из табл. 2, миграционная убыль нарастает с юга на север и восток, в соответствии с генеральными направлениями перераспределения населения между крупными частями страны (отток населения с Севера, западный дрейф). Внутрирегиональная миграция на юге России не так сильно истощает население сельской глубинки, как в других частях страны. Несмотря на то что приток за счет международной миграции идет во все выделенные типы регионов, в регионах юга европейской части страны и в приграничных с Казахстаном областях он заметнее, чем на юге Сибири и Дальнего Востока, и на Севере.

Различия в миграционном балансе между чисто сельскими и полусельскими территориями выражены слабо, чисто сельские территории теряют население в результате миграции ненамного интенсивнее, чем имеющие в своем составе малые городские поселения. Наличие малого города или поселка городского типа само по себе не может предотвратить отток населения. Рынок труда этих поселений так же слабо дифференцирован, как и в сельской местности, по степени развитости социальной инфраструктуры, комфорту проживания они тоже не сильно отличаются от сельских поселений. Малые

города не способны удержать от выезда молодежь, система профессионального образования в них чаще всего ограничена малым набором учреждений среднего профессионального образования (СПО).

Различия баланса миграции сельских территорий по возрасту

Расчет возрастных коэффициентов миграционного прироста (убыли) населения рассматриваемых территорий показывает, что в целом они характеризуются оттоком молодого населения. Он имеет два пика: 1) в возрасте окончания школы и поступления в учреждения СПО и вузы; 2) в возрасте активного начала трудовой карьеры. Между этими пиками отток как бы спадает, но это, на наш взгляд, является статистическим артефактом. Реформа текущего учета миграции в 2011 г., в результате которой в качестве долговременных мигрантов Росстат начал учитывать сменивших регистрацию по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, привела не только к росту масштабов учтенной миграции, но и к появлению в статистике категории «вернувшиеся к месту жительства после временного пребывания на другой территории». Например, после окончания учебы в вузе или СПО в другом городе и регионе регистрация по месту пребывания у бывших студентов заканчивается, они автоматически считаются выбывшими по месту постоянного проживания. Вне зависимости от того, вернется ли молодой человек к месту постоянного проживания или останется проживать в городе, где получал образование, найдет работу в другом городе или регионе, статистика зафиксирует возвращение к месту жительства.

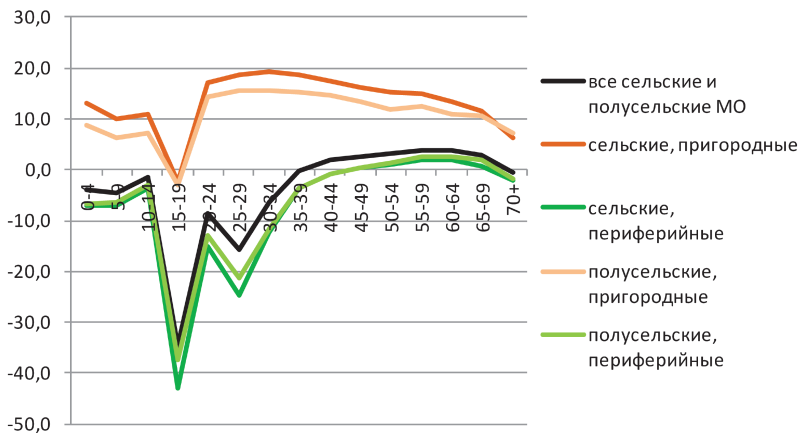

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) населения пригородных и периферийных сельских территорий, в среднем за 2012–2016 гг., на 1000 населения соответствующего возраста. Источник: расчеты на основе БД ПМО.

В более старших возрастах, начиная с 35–39 лет, изучаемые сельские территории имеют незначительный миграционный прирост населения. При этом периферийные сельские территории имеют приток лиц в предпенсионных и молодых пенсионных возрастах, а положительный баланс миграции остальных возрастов, 35 лет и старше, обеспечивают пригороды. Они в целом привлекательны для всех возрастов, кроме группы 15–19 лет, наиболее интенсивен миграционный прирост в возрасте 20–39 лет и в детских возрастах. Это может быть свидетельством субурбанизации западного типа, которому свойствен приток в субурбии семей с детьми [Vobecka, Piguët, 2012; Wulff, Lobo, 2009].

Чисто сельские территории как в пригородной зоне характеризуются более интенсивным притоком населения всех возрастов, на периферии – более интенсивной убылью.

Северные сельские территории характеризуются оттоком населения всех возрастов, но наиболее интенсивным – в группе 15–19-летних (рис. 2). В отличие от всех остальных групп для них характерен отток и населения старших возрастов, хотя и не такой сильный. Для регионов Севера вообще характерен отток пожилого населения [Жарачурина, Иванова, 2017]. Менее интенсивные миграционные потери населения сельских территорий остальных частей страны складываются вследствие как не очень сильной убыли молодежи, так и притока лиц старших возрастов, в какой-то мере его компенсирующего. Так, в Нечерноземье приток населения в возрасте 40 лет и старше в 2012–2016 гг. компенсировал отток из сельских территорий 15–39-летних на 43%, в группе южных регионов – на 39%, на юге Сибири и Дальнего Востока – на 14%. Однако эта компенсация происходит прежде всего за счет пригородов, если взять отдельно периферийные территории Нечерноземья и Юга, приток лиц старших возрастов восполнял потери молодежи лишь на 18% и 9% соответственно.

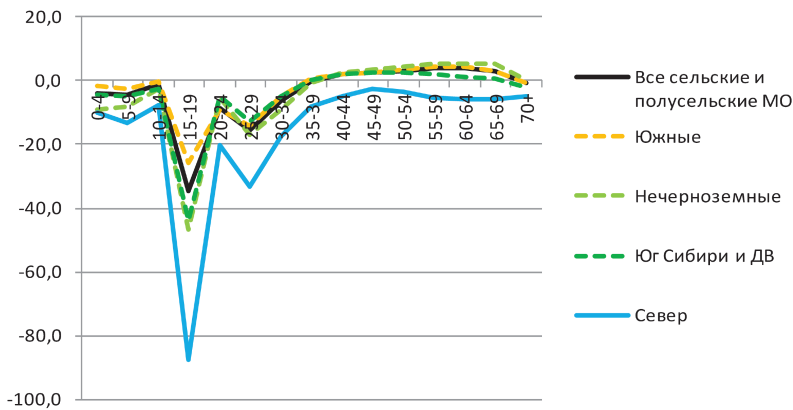

Рис. 2. Миграционный прирост (убыль) населения по географическим типам сельских территорий, в среднем за 2012–2016 гг., на 1000 населения соответствующего возраста. Источник: расчеты на основе данных БД ПМО.

За исключением пригородов столиц северных территорий – малых по числу входящих в эту группу МО, малонаселенных и явно не определяющих «лицо» российских субурбий, возрастные профили этих территорий схожи (рис. 3А). Но даже на Севере пригороды имеют незначительный приток лиц старших возрастов. Периферийные же территории дифференцированы по интенсивности оттока молодежи – в группе 15–19-летних на Севере он в три раза интенсивнее, чем на Юге, у 25–29-летних – на 2/3. Периферийные территории Севера отличает также усиление оттока после 50 лет (рис. 3Б), люди здесь раньше получают возможность выхода на пенсию, и часть их меняет место жительства. Примечательно, что приток лиц в возрасте 40 лет и старше в глубинке Нечерноземья выше, чем в южных регионах. Это ускоряет старение сельского населения в этой части страны, именно здесь сельскую местность уже называют «совокупным домом престарелых» [Алексеев, Сафронов, 2017].

Понятно, что учет долговременной миграции не видит всю картину сокращения численности сельского населения, особенно на внутрорегиональной периферии. Отток молодежи в реальности выше, чем отражает статистика. Результаты исследований на микроуровне показывают, что порядка 30% официально числящегося в сельских поселе-

ниях ряда регионов российской глубинки на самом деле в селах не проживают, особенно велико расхождение в возрастах 20–40 лет [Фомкина, 2017; Алексеев, Воробьев, 2018].

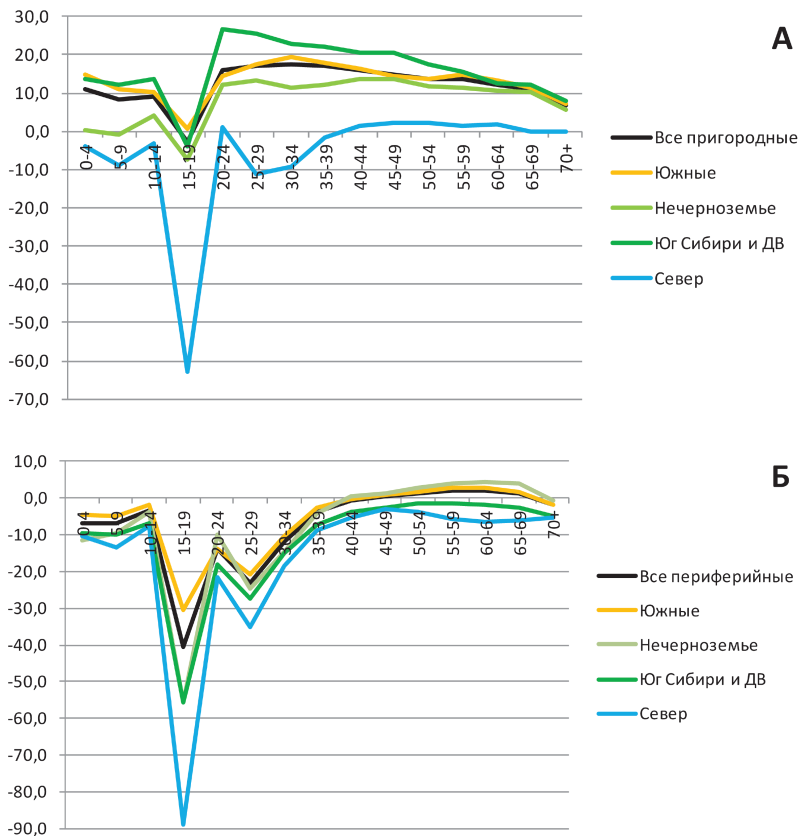

Рис. 3. Миграционный прирост (убыль) населения по географическим типам пригородных (А) и периферийных (Б) сельских территорий, в среднем за 2012–2016 гг., на 1000 населения соответствующего возраста. Источник: расчеты на основе БД ПМО.

Выводы

Сельская местность, точнее, те территории уровня муниципальных районов и городских округов, которые можно с известной условностью, принятой в данной статье, к ней отнести, неоднородна по показателю миграционного прироста (убыли населения). В данной статье рассмотрены различия между сельскими территориями, формирующими пригороды региональных столиц (крупных городов), и внутрирегиональной периферией (центро-периферийные различия), а также между сельской местностью отдельных четырех крупных частей страны, характеризующиеся существенными различиями природно-климатических условий и степенью хозяйственной освоенности (различия север – юг, запад – восток).

Пригородные и периферийные МО крайне несхожи как по общим результатам миграционного баланса, так и по структуре притока/убыли населения по возрастным груп-

пам. Пригородная сельская местность не только является во многом транзитной зоной на пути миграции из сельской местности в крупные города, но и ареной процессов субурбанизации, получивших развитие в отдельных крупнейших городских агломерациях. Доля пригородного сельского населения растет, в большинстве регионов в окрестностях регионального центра проживают 20–30% сельских жителей [Алексеев, Сафронов, 2015]. Сельская местность региональной периферии – все еще территория сплошного и достаточно интенсивного миграционного оттока населения, имеющая ограниченную привлекательность только для населения предпенсионных и пенсионных возрастов и продолжающая интенсивно терять молодежь. В целом население внутрорегиональной периферии (не обязательно сельское) сокращается почти повсеместно, сжимается и обитаемое пространство [Нефедова, 2005]. В немалой степени этому способствует не просто отток сельского населения, а его специфический возрастной профиль.

Вне зависимости от расположения сельских МО в той или иной части страны, все они, находясь на внутрорегиональной периферии, теряют население, а в пригородах (кроме небольшого числа пригородных МО региональных столиц территорий Крайнего Севера и приравненных к нему местностей) испытывают миграционный прирост. И нельзя сказать, что этот прирост выше на западе и ниже на востоке или на юге, он принципиально иной, чем в регионах Нечерноземья. Возрастные профили интенсивности миграционного прироста сельских МО в разных частях страны похожи, конечно, с учетом их различий в пригородах и на периферии. Но на юге ниже интенсивность оттока во всех возрастных группах, чем на севере, а западные территории теряют население менее интенсивно, чем восточные.

Это необходимо учитывать при анализе сельско-городской миграции, ведь скорость, с которой сокращается сельское население в результате миграционного оттока, различается не только между отдельными регионами страны, но и еще более на внутререгиональном уровне. На региональном и тем более на общестрановом уровнях сельское население в результате миграции может сокращаться невысокими темпами, но это может происходить (и происходит) в результате концентрации населения в пригородах крупных городов при неизменном оттоке из глубинки. Приток пожилого населения в сельскую местность, уже довольно заметный, также сокращает общий размер оттока, но с точки зрения перспектив развития села, его демографического, трудового потенциала этот приток не может рассматриваться как компенсация продолжающегося оттока молодежи. Эти процессы требуют дальнейшего изучения, в чем Россия сильно отстает от западных стран.

За рамками рассмотрения осталось сельское население, проживающее в МО с преобладающим городским населением, но действующий на сегодняшний день порядок публикации данных не позволяет рассмотреть его миграционные характеристики на достаточно дезагрегированном пространственном уровне. Вероятно, в будущем появится возможность их анализа, если будут доступны данные на более территориально дезагрегированном уровне.

Литература

- Алексеев А. И., Воробьев М. И. 2018. Сколько сельских жителей в России зимой? // Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр.: 5: 104–107.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. 2015. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр.: 2: 66–76.

- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. 2017. Типология сельских населенных пунктов европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр.: 6: 55–61.
- Антонов Е. В. 2016. Социально-экономическое развитие и рынки труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1990–2010-х годах. Дисс. ... кандидата географических наук. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М. 247 с.
- Бреславский А. С. 2014. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / Науч. ред. М. Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 192 с.
- Григоричев К. В. 2013. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск. 248 с.
- Григоричев К. В. 2017. Субрегиональные миграции и формирование пригорода сибирского города // Мир большого Алтая: 1(3): 31–42.
- Денисов Е. А. 2017. Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990–2010-е гг. // Региональные исследования: 2(56): 44–55.
- Емельянова Н. В., Серебренников Е. Н. 2016. Социально-демографическая оценка качества жизни населения Иркутской агломерации // Вестник Забайкальского государственного университета: 22(6): 96–107. DOI: 10.21209/2227-9245-2016-22-6-96-107.
- Зайончковская Ж. А. 1991. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука. 132 с.
- Заславская Т. И. 1970. Миграция сельского населения. М.: Мысль. 348 с.
- Карачурина Л. Б. 2018. Динамика населения центров и вторых городов регионов в России: проявляются ли тенденции к полицентризму? // Известия Российской академии наук. Сер. геогр.: 4: 7–21. URL: <https://doi.org/10.1134/S2587556618040076>.
- Карачурина Л. Б., Иванова К. А. 2017. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования: 3(57): 51–60.
- Махрова А. Г., Кириллов П. Л. 2015. Российская урбанизация и жилье горожан. Демоскоп Weekly: 645–646: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0645/demoscope645.pdf> (дата обращения: 18.12.2018).
- Махрова А. Г., Кириллов П. Л. 2018. Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования: 2(60): 68–78.
- Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. 2016 / Под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф. 504 с.
- Мкртчян Н. В. 2013. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Известия Российской академии наук. Сер. геогр.: 6: 19–32.
- Мкртчян Н. В. 2018. Региональные столицы и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия Российской академии наук. Сер. геогр.: 6: 26–38. <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>.
- Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. 2013. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990–2010 гг.: ключевые факторы различий / Научные труды ИНП РАН. Гл. ред. А. Г. Коровкин. 11: 95–114.
- Нефедова Т. Г. 2005. Депопуляция сельской местности и агропроизводство. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Б. Глезер, П. М. Поляна. М.: ОГИ. С. 341–356.
- Нефедова Т. Г. 2013. Большой, малый, средний город и село в России / География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Смоленск: Ойкумена. С. 171–191.
- Нефедова Т. Г. 2015. Миграции дачников как фактор поддержания сельского расселения. Пример района озера Селигер. Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов / Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Под ред. В. С. Белозерова. С. 139–151.
- Нефедова Т. Г. 2015. Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // Демоскоп Weekly: 657–658. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0657/demoscope657.pdf> (дата обращения: 21.12.2018).

- Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. 2018. Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России // Проблемы прогнозирования: 1: 85–98.
- Переведенцев В. И. 1975. Методы изучения миграции населения. М.: Наука. 231 с.
- Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения. 2014 / Ред. Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой. М.: Логос.
- Ткаченко А. А., Фомкина А. А., Шаврин В. Н. 2013. Районные системы расселения Центральной России // Вопросы географии. Сб. 135 / Отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. СПб.: Изд-во РГО. С. 270–288.
- Фомкина А. А. 2017. Расхождения в оценках численности сельского населения (на примере Тверской области) // Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр.: 6: 88–91.
- Что мы знаем о современных российских пригородах? Сборник научных статей. 2017 / Отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 220 с.
- Эндрюшко А. А. 2018. Масштабы и направления миграции молодежи Иркутской области (1989–2015 гг.) // Региональные исследования: 2(60): 32–43.
- Bednaříková Z., Bavorová M., Ponkina E. V. 2016. Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia // Journal of Rural Studies: 45: 99–111. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2016.03.006.
- Ioffe G., Zayonchkovskaya Zh. 2011. Spatial shifts in the population of Moscow region // Eurasian Geography and Economics: 52(4): 543–566. DOI: 10.2747/1539-7216.52.4.543.
- Johansson M. 2016. Young women and rural exodus – Swedish experiences // Journal of Rural Studies: 43(1): 291–300. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.04.002>.
- Kashnitsky I. 2018. Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // GeoJournal (in Press). DOI: 10.1007/s10708-018-9953-5.
- Rowles G. D., Watkins J. F. 1993. Elderly migration and development in small communities // Growth and Change: 24(4): 509–538. DOI: 10.1111/j.1468-2257.1993.tb00136.x.
- Smith D. P., Rérat P., Sage J. 2014. Youth migration and spaces of education // Children's Geographies: 12(1): 1–8. DOI: 10.1080/14733285.2013.871801.
- Stockdale A., MacLeod M. 2013. Pre-retirement age migration to remote rural areas // Journal of Rural Studies: 32: 80–92. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2013.04.009.
- Vobecka J., Piguet V. 2012. Fertility, Natural Growth, and Migration in the Czech Republic: an Urban-Suburban-Rural Gradient Analysis of Long-Term Trends and Recent Reversals // Population, Space and Place: 18(3): 225–240. DOI: 10.1002/psp.698.
- Wulff M., Lobo M. 2009. The new gentrifiers: The role of households and migration in reshaping Melbourne's core and inner suburbs // Urban Policy and Research: 27(3): 315–331. DOI: 10.1080/0811140903112020.

Об авторе

- **Мкртчян Никита Владимирович**, к.г.н., ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: nmkrтчян@hse.ru